



Со дня смерти театрального режиссера и популярного ведущего телевизионной «Старой квартиры» Григория Гурвича прошло 40 дней. Театр-кабаре «Летучая мышь» осиротел и оказался перед вопросом: как жить дальше? «Сейчас стало ясно — то, что умел делать в театре Гриша, не умеет никто», — говорит его вдова Любовь Гурвич. И вот следующий спектакль «Летучей мыши» будет сделан в форме диалогов с Григорием Гурвичем, о котором сегодня рассказывают Любовь Гурвич, Виктор Шендерович (друг с двадцатилетним стажем) и Елена Чарквиани (одна из прим театра). Впрочем, в «Летучей мыши» все артисты — премьеры и примы. Таким этот театр был задуман).

Ольга ФУКС

**Виктор Шендерович:** «Я занимался в табакоской студии, где Костя Райкин тогда ставил «Маугли». Одновременно Костя работал в «Современнике», и когда театр уехал на гастроли в Баку, к Косте за кулисы пришел студент филологического факультета Гриша Гурвич — человек, «ударенный» театром, который хотел каким-то боком к театру «прислониться», но не знал, каким. Насколько я знаю, он просто пришел и сказал, что слышал о табакоской студии и хочет как-то в этом деле поучаствовать. В итоге он «прислонился» к театру с правильной стороны, то есть с литературной, потому что Гриша был блестящий стихотворец. «Поэт», может быть, звучит слишком громко, но стихи его были тонки и точны. Закончилось это знакомство тем, что 20-летний Гриша Гурвич написал зонги к «Маугли».

Я до сих пор помню их все наизусть: «...Будь ты мал иль стар, / Будь ты сер иль сед, / Но закон всех стай — / Быть во всем, как все. / Будь хитер, как все. / Будь матер, как все. / Будь один из стай — / Вот закон всех стай. / Если лжив — как все. / Если тверд — как все. / Если жив — как все. / Если мертв — как все. / Этот свой наказ / Повтори сто раз: / Я один из вас, / Я один из вас». Кстати, во всех его спектаклях («Великая иллюзия», «Это — шоу-бизнес») звучат его собственные переводы (блестящие, на мой взгляд) из «Кошек», «Иисуса Христа — суперзвезды» и других мюзиклов.

С тех пор мы приятельствовали, а несколько лет назад сдружились уже по-взрослому. Оказались вместе в жюри конкурса капустников «Веселая коза» в Нижнем Новгороде. И выяснилось, что мы абсолютно совпадаем во взглядах. Я увидел, по какому гамбургскому счету Гришка

# Вам не позволено переиграть...

К театру Григорий Гурвич «прислонился» с правильной стороны

*Вн. Москва. — 1999. — 16 апр. — с. 7*

относится к театру и таланту, как взахлеб радуется чужому успеху (а это такая редкость). И как готов был защищать чужой талант. Однажды он буквально уничтожил (на словах, конечно) одну театроведку. (Надо сказать, он ненавидел эту профессию. Я не помню ни одной положительной рецензии на спектакли «Летучей мыши», которую называли «Бродвеем для бедных», — сплошное театроведческое высокомерие). На «Веселую козу» приехал очень талантливый, брутальный коллектив из Челябинска «Черный театр». Театроведке той он показался грязным, пошлым, нетонким, потому что она не понимала элементарных вещей. И Гришу «пробило» так, что я потом заставил его извиняться перед ней просто как перед женщиной. Посмотрите, вопил он, указывая на себя, меня и Вадю Жука, — мы на троих сделали уже 180 капустников. А вы в жизни смешной строчки не напишете — так, чтобы зал услышал и грохнул. Гриша ведь был штатным пенальтистом по части капустников. Одна из его «капустных» песен — «Александра, Александра» (Эскина, то есть) — стала гимном Дома актера.

Но так же сильно он страдал от творческих неудач. Физически страдал. От плохого стиха, неточной рифмы, фальшивой ноты.

\*\*\*

Как он подбирал артистов — это отдельная история. Наташа Трихлеб была восьмой Курочкой Рябой у Саца, а он увидел в ней звезду. Ну, может, третьей. Боря Поволоцкий был никому не известным актером Театра оперетты. Катя Корабельникова, которая в любой бродвейской труппе была бы звездой, играла что-то в театре «Шалом». Там, откуда он их брал, они были никем. Он не брал готовых звезд, они становились таковыми в его театре.

**Елена Чарквиани:** «Мы с Гришей знакомы со студенческой скамьи. Он всегда выделялся своим шикарным видом в гитисовской толпе, где было принято ходить грязными и рваными — чем страшнее, тем талантливее. Я даже прибежала его понохать — он всегда пах роскошными духами. И нам потом внушал, что актеры должны быть состоятельными, актрисы — красивыми и хорошо одетыми. Все делал, чтобы мы не чувствовали себя ущербными.

Я уехала в Тбилиси, а когда спустя несколько лет вернулась в Москву, то поняла, что не хочу ни в один драматический театр. Встретила как-то сокурсника, и он привел меня в «Летучую мышь». Я влюбилась в первый же спектакль и стала проситься к Гришке. Он назначил мне показ, я

читала «Графа Нулина», а он вдруг попросил меня заикаться, чтобы посмотреть, не боюсь ли я быть смешной. И сломался только тогда, когда я при моем росте сделала колесо. Через месяц взял меня с условием — чтобы я поправилась. Каждую актрису он считал неотразимой красавицей. Ни одну не уволил. Мог иногда на репетиции сказать что-нибудь колкое (мне, например, про мой возраст). Но романами нас не терроризировал, наоборот — оберегал, как детей. Чуть что — девочки, говорит, ко мне. Тем более что рядом всегда была Люба, а они друг друга любили».

**Любовь Гурвич:** «Мы познакомились на ретро-бале в институте — вместе надували шарик. Потом оказались вместе в комитете комсомола — мы все были очень активными комсомольцами и все потом пережились. Довольно долго — год с чем-то — встречались, но предложения Гриша мне не делал. И в какой-то момент я сказала ему: «Решайся», повернулась и ушла. А он и решился. Сказал: «Я понял, что

ранее. Закрыт был и его дипломный спектакль, хотя Гриша шел на красный диплом. В день похорон Кнебель Андрей Александрович Гончаров закрыл спектакль. Через год, правда, открыл, но Гриша год ходил без диплома. Сейчас это уже не так важно, он все равно добился, чего хотел».

**В. Ш.:** «Кнебель говорила, что у нее на этом курсе много способных ребят, но талантливый только Гриша».

А мюзикл был не только эстетическим выбором, но и гражданским. В перестройку отовсюду хлынула чернуха (Галин — лучший вариант, но для меня знаком этой драматургии стала пьеса Дударева «Свалка», где фигурировали проститутки, бомжи, афганцы, наркоманы — словом, все, о чем стало можно говорить. Плюс зачем-то Христос). А Гриша говорил: золотой век мюзикла соврал с великой депрессией. Именно тогда, когда все плохо, человеку нужно подарить сказку, надежду. Когда больше нет идеологии, нужно дать идеологию хорошей музыки, чистого пения,

## В детстве он отказывался есть суп до тех пор, пока ему не ставили пластинку с «Сильвой»

никто никогда не будет ко мне относиться так, как ты. И ни с кем мне не будет интересно так, как с тобой». Я то же самое могу сказать.

\*\*\*

Он был очень музыкален, хотя музыке его никто не учил. Родители считали, что достаточно английского. В детстве он отказывался есть суп до тех пор, пока ему не ставили пластинку с «Сильвой».

Я очень хорошо помню наш первый разговор про жанр будущего театра. Мы стояли на балконе, и я спросила его, какой же, собственно, театр ты хочешь, кто тебе ближе — Захаров, Любимов, Эфрос... Он сказал: «Наверное, Захаров». Кстати, это Марк Захаров посоветовал ему после капустника в Доме актера открыть театр-кабаре «Летучая мышь». Хотя, казалось бы, он учился у Марины Кнебель, ученицы Станиславского, при чем тут кабаре? Но кабаре постепенно переросло в мюзикл.

А на тот момент у Гриши было уже пять закрытых спектаклей. И не потому, что он их плохо делал, а потому, что главные режиссеры вообще порой закрывают спектакли, не предупреждая об этом за-

танца. Я по себе могу сказать — раз по восемь ходил на один и тот же спектакль, даже на отдельные номера, и получал порцию бодрости и радости — как будто новую батарейку вставлял.

Он посмотрел все знаменитые мюзиклы, когда для нас слово «Бродвей» еще оставалось только словом. Единственное, что утешает, так это то, что последние десять лет он жил на широкую ногу — зарабатывал своим талантом и жил, не откладываясь, объездил весь мир, выезжаясь во все — телевидение, капустник, новогодний огонек. (Славкин замечательно сказал на панихиде о том, что ни у кого не возникало вопроса: а какое право имеет этот молодой человек 37 лет рассказывать о 48-м годе? Настолько сильно он чувствовал родину, историю, свои корни. Он был одинаково уважителен со знаменитостью на сцене и с бабушкой из зала. Он часто задавал довольно неудобные вопросы. Но при этом не стеснялся людей. Как человек театральный он понимал, что существует несколько правд».

**Л. Г.:** «В год мы смотрели спектаклей по пятнадцать в Лондоне. Мы специально ездим

ли на мюзиклы в Америку, Англию (Гриша побывал в 30 странах, я вместе в нем в 25). Первым делом шли покупать билеты (они там страшно дорогие), иначе потом бы просто не хватило. Но он стремился развивать российскую мюзикл, а не заниматься американским (это был только этап). Говорил мне — все, не могу уже больше слышать эту музыку. Не потому, что она плохая, а потому, что он уже поставил все лучшее. Гриша придумал несколько оригинальных идей относительно российских мюзиклов. Но самая большая проблема оказалась в наших композиторах. У нас только в одном спектакле звучали песни Леши Кортнева и группы «Несчастный случай» — в спектакле «Вам позволено переиграть» (по пьесе «Биография» Макса Фриша, в которой главному герою дается шанс прожить иначе какую-то часть своей жизни. Григорий Гурвич считал этот спектакль главным в своей жизни. — О.Ф.).

\*\*\*

**В. Ш.:** «Как говорится, когда человек умирает, изменяются его портреты. Мы все начинаем видеть в другом свете. Гриша напекор автору оставил в живых главного героя спектакля «Вам позволено переиграть»...»

**Е. Ч.:** «У нас всегда была традиция — перед премьерой собираемся вместе, берем за руки и разбиваем. А перед той премьерой он сказал нам: «Ребята, спасибо, что собрали этот спектакль. Это спектакль моей жизни теперь и умирать можно».

\*\*\*

**В. Ш.:** «Болезнь проявила в нем огромное мужество и достоинство. Он не позволял себе жалеть, не позволял себе перестать жить. Могу сказать с гордостью за моего олигарха, что Владимир Гусинский, который тоже учился в ГИТИСе, по первому моему звонку дал сто тысяч долларов на лечение Гриши. Самое тоскливое, что его вылечили от лейкемии — просто не выдержал сердце. Я позвонил ему в больницу за десять дней до смерти. Он обрадовался: «Ой, дорогой ты мой, — и тут же затесался своего порыва: — Я даже знаю, — говорит, — насколько дорогой».

Гриша написал мне как-то стихок: «На слово Шендерович рифмы нет». Спустя какое-то время он отмечал свое 40-летие (словно чувствовал, что не доживет до 50-летия), куда пришли все. (Кстати, многих раздражало, что он отмечает 40-летие на РТР. А я предлагаю им задуматься — а почему это на юбилей пришли Захаров, Горин и вообще полный зал не самых последних людей. Отпраздновать юбилей может любой, но кто придет на него — вот вопрос.) И я написал ему ответ, который заканчивался такими словами: «...Пусть годы в наше сладкое вино / По капельке подмешивает горечь. / Ну вот и рифма к слову Шендерович. / И к Гурвичу сгодится заодно». Как-то спонтанно тогда написало про горечь...

Есть люди, как люди, — вдыхают кислород, выдыхают углекислый газ. А есть, как деревья, — вдыхают в себя нашу углекислоту, а выдыхают кислород. Вот таким был Гриша».